

КРИСТОФЕР ИШЕРВУД

ФИАЛКА
ПРАТЕРА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Кристофер Ишервуд Фиалка Пратера

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69182512
Фиалка Пратера: Издательство АСТ; М.; 2023
ISBN 978-5-17-133317-1*

Аннотация

Уморительная история из «золотого века» кинематографа о голливудской постановке сентиментального и безвкусного комедийного мюзикла. Английский писатель, молодой Кристофер Ишервуд, поддавшись уговорам режиссера и из желания заработать, ввязывается в эту авантюру и пытается спасти никудышный сценарий. Тем временем на дворе 1934 год – кабаре, кино, бурная светская жизнь и аншлюс Австрии...

Эксцентричные мэтры и их усталые помощники, подковерные интриги и профессиональные амбиции, реальные и вымышленные происки конкурентов и все прочее, что обычно ускользает от света софитов.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

41

Кристофер Ишервуд

Фиалка Пратера

Посвящается Рене Блан-Роос

Christopher Isherwood
PRATER VIOLET

© Christopher Isherwood, 1945, 1973

© Школа перевода В. Баканова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

– Мистер Ишервуд?

– Слушаю.

– Кристофер Ишервуд?

– Да, это я.

– Знаете, мы вчера весь день не могли до вас дозвониться, – с легкой укоризной произнес голос на том конце провода.

– Меня не было дома.

– Не было дома? – Кажется, звонивший мне не поверил.

– Да.

– А, понятно... – Задумчивая пауза, затем с подозрени-

ем: – Странно... У вас постоянно было занято.

– Простите, а с кем имею честь? – резковато поинтересовался я.

– «Импераил буллдог».

– Кто-кто?

– «Импераил буллдог пикчерз». Я звоню от имени мистера Четсворта... К слову, вы не бывали в Блэкпуле в тысяча девятьсот тридцатом году?

– Вы что-то напутали... – Я уже приготовился повесить трубку. – Ни разу в жизни не бывал в Блэкпуле.

– Прелестно! – Мой собеседник деловито хохотнул. – Значит, вы и мюзикл под названием «Фиалка Пратера» не видели?

– Нет. При чем тут?..

– Его сняли после трех показов. Однако мистеру Четсворту нравится музыка и почти все песни... Кстати, ваш агент утверждает, что вы прямо-таки знаток Вены.

– Вены? Я ездил туда всего раз, и то на неделю.

– Всего на неделю? – сварливо повторил голос. – Не может быть. Нам дали понять, что вы там жили.

– Речь, наверное, шла о Берлине.

– Ах, Берлин? Там ведь почти как в Вене? Мистеру Четсворту нужен человек, понимающий европейцев. Вы же говорите по-немецки? Это пригодились бы, ведь режиссером у нас будет Фридрих Бергманн из Вены.

– А-а...

– Сам Фридрих Бергманн.

– Не слыхал о таком.

– Странно. Он тоже много проработал в Берлине. Вы не работали там в сфере кино?

– Я никогда и нигде в кино не работал.

– Как не работали? – испуганно спросили меня и тут же, оживившись, добавили: – Впрочем, не важно, мистеру Чет-сворту, по-моему, все равно. Он часто привлекает авторов без опыта в кинематографе. Я бы на вашем месте не волновался...

– Послушайте, – перебил я, – с чего вы взяли, будто мне хоть сколько-нибудь интересно ваше предложение?

– О... знаете, мистер Ишервуд, это уже, боюсь, вне моей компетенции... – затараторили в трубке. – Уверен, мистер Кац все уладит с вашим агентом. Не сомневаюсь, мы с вами как-нибудь договоримся. Будем на связи. До свидания...

– Минуту, я...

Трубку повесили. В некотором возмущении я, как дурачок, принялся давить на рычаг. Потом отыскал в справочнике номер «Империял булльдог», набрал было его и тут же положил трубку. Вернулся в столовую – мама с Ричардом, моим младшим братом, все еще сидели за столом. Я встал в дверном проеме и как ни в чем не бывало закурил.

– Это Стивен? – спросила мама. Обычно она знает, когда нужно заговорить первой.

– Нет. – Я выдохнул облако густого дыма и хмуро взглянул

на каминную полку, где тикали часы. — Киношники.

— Киношники! — Ричард со звоном опустил чашку на блюдце. — О, Кристофер, это же здорово!

Я нахмурился сильнее.

Выдержав должную паузу, братец очень и очень осторожно поинтересовался:

— Хотели, чтобы ты написал им сценарий?

— Судя по всему, — скучающе протянул я.

— О, Кристофер, это так увлекательно! О чем фильм? Или тебе нельзя говорить?

— Я не спрашивал.

— А, понятно... Когда приступаешь?

— Никогда. Я отказался.

— Отказался? О... жалость какая!

— Вообще-то...

— А что так? Мало денег предлагали?

— О деньгах мы не говорили, — с намеком на укор ответил я Ричарду.

— Ну да, конечно, это не твое дело. О таких вещах договаривается агент. Уж он-то знает, как выдоить заказчика досуха. И много ты запросишь?

— Я же тебе сказал: я отклонил предложение.

Повисла еще пауза, после которой мама самым своим заботливым и беззаботным тоном произнесла:

— Право слово, фильмы нынче день ото дня становятся только глупее. Неудивительно, что путного писателя в кино

никакими деньгами не заманишь.

Я молчал, но хмурился уже не так сильно.

– Думаю, через пару минут они перезвонят, – с надеждой произнес Ричард.

– С какой стати?

– Должно быть, ты нужен им позарез, иначе стали бы они звонить в такую рань? К тому же киношники отказов не принимают, так ведь?

– Поди, звонят уже следующему в списке кандидатов, – фальшиво зевнул я. – Ладно, пойду, что ли, домучаю одиннадцатую главу.

– Умеешь же ты сохранить хладнокровие в любой ситуации, – восхищенно и с полным отсутствием Софоклова сарказма похвалил меня Ричард. – Я бы на твоём месте так перешагнул, что до конца дня не сумел бы выжать из себя и слова.

– Увидимся, – пробормотал я, снова зевая и потягиваясь, однако у двери на меня напала такая нерешительность, что я застыл, глядя на сервант. Потеребил ключик в замке на ящике с ложками, закрыл его, открыл, закрыл. Высморкался.

– Еще чаю? – предложила мама, с легкой улыбкой глядя на мое представление.

– О, не отказывайся, Кристофер, он еще совсем не остыл!

Не говоря ни слова, я вернулся за стол. Утренняя газета так и лежала там, где я бросил ее полчаса назад, – смятая и безвольная, будто из нее кровью утекли все новости.

По-прежнему муссировали тему выхода Германии из Лиги Наций. Какой-то эксперт предсказывал, что где-то в следующем году, когда линия Мажино¹ станет неуязвимой, Гитлеру нанесут превентивный удар. Геббельс предупредил германский народ, что на выборах двенадцатого ноября² будет всего два пункта: «за» и «за». Губернатор Кентукки Руби Лаффун присвоил Мэй Уэст³ звание полковника.

– Дантист кузины Эдит, – сообщила мама, передавая мне чашку, – похоже, не сомневается, что Гитлер скоро нападет на Австрию.

– Seriously? – Я как-то вдруг повеселел и, сделав большой глоток, откинулся на спинку стула. – Право, у дантистов такие источники сведений, каких больше ни у кого нет. Вот только я в своем неведении не возьму в толк, каким образом...

И меня понесло. Мама подливала чаю Ричарду и себе. Словно разыгрывая пантомиму, они с улыбками передавали друг другу молоко и сахар, а потом сидели, с комфортом откинувшись на спинки, – ни дать ни взять завсегдатаи ресто-

¹ Названная так в честь военного министра Андре Мажино (1877–1932) линия французских укреплений на границе с Германией. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² 12 ноября 1933 года в Германии состоялись парламентские выборы. После запрета на деятельность любых партий, кроме НСДАП, у голосующих попросту не оставалось альтернативы.

³ Мэй Уэст (1893–1980) – скандально известная американская актриса, сценарист и драматург. За ярко выраженную сексуальную тематику ее пьесы неоднократно подвергались жесткой критике и снимались с показа.

рана при первых нотах любимой мелодии.

Через десять минут я разгромил все возможные аргументы, которых стоило ожидать от дантиста, и еще много тех, которых не стоило. В ход пошли мои любимые словечки: гауляйтер, солидарность, демарш, диалектичный, гляйхшальтунг⁴, инфильтрация, аншлюс, реализм, транш, партиец. Затем, закулив еще сигарету и переведя дух, я вкратце принял-ся рассказывать историю национал-социализма после Пивного путча⁵.

Зазвонил телефон.

– Вот ведь докучливая штукавина! – мягко посетовал Ричард. – Вечно звонит, когда ты рассказываешь что-нибудь интересное. Не отвечай. Скоро им надоест...

Однако я уже вскочил с места, едва не опрокинув стул, и выбежал в коридор.

– Алло, – запыхавшись, произнес я в трубку.

Ответа не было. Лишь кто-то горячо с кем-то спорил на фоне музыки по радио.

– Алло? – повторил я.

Голоса зазвучали еще тише.

– Алло! – уже кричал я.

На этот раз меня слышали. Трубку накрыли ладонью,

⁴ От нем. *gleich* (одинаковый) и *schaltung* (включение). Проводимая НСДАП политика насильственного вовлечения в идеологию нацистов, искоренения выбора и инакомыслия.

⁵ Предпринятая Гитлером попытка государственного переворота 8–9 ноября 1923 года в Мюнхене.

окончательно глуша голоса и музыку.

– Ну и черт с вами!

Ладонь убрали.

– Идиотизм! – пророкотал мужской голос с сильным иностранным акцентом. – Словами не выразишь!

– Алло! – закричал я. – Алло! Алло! Алло! Алло! Алло!

– Подождите, – отрывисто, будто назойливого ребенка, попросил иностранец.

– Черта с два я стану ждать! – Прозвучало так глупо, что я сам расхохотался.

С трубки на том конце снова убрали ладонь, и в микрофон водой из-за прорванной плотины хлынули голоса и музыка. Да как громко!

– Алло, – быстро и нетерпеливо заговорил иностранец. – Алло, алло!

– Алло?

– Алло? Это доктор Бергманн.

– Доброе утро, доктор Бергманн.

– Да? Доброе утро. Алло? Алло, я бы хотел поговорить с мистером Ишервудом. Немедленно, если позволите.

– Слушаю.

– Мистер Кри-истоф-фер Ишерву-уд... – очень осторожно, как будто читая с бумаги, протянул доктор Бергманн.

– Да. Это я.

– *Ja, ja...*⁶ – Терпение Бергманна достигло предела. – Я бы

⁶ Да, да (нем.).

хотел лично переговорить с мистером Ишервудом. Позовите его, будьте добры.

— Кристофер Ишервуд — это я, — ответил я на немецком. — С вами только я и говорил.

— Ах, так это вы, мистер Ишервуд! Чудесно! Что же вы сразу не сказали? И вы знаете мой язык? Bravo! *Endlich ein vernünftiger Mensch!*⁷ Вы не представляете, как я рад вас слышать! Скажите, дружище, можете вы ко мне приехать, прямо сейчас?

— Сегодня, хотите сказать? — насторожился я.

— Нет, сейчас, как можно немедленнее, сей же миг.

— У меня жутко занятое утро... — попробовал отговориться я, однако доктор Бергманн перебил меня, страдальчески вздохнув:

— Какая глупая затея. Просто ужас. Я сдаюсь.

— Впрочем, после обеда я бы, пожалуй...

Бергманн как будто не слышал.

— Безнадежно, — бормотал он. — Я совершенно один в этом проклятом идиотском городе. Никто ни слова не понимает. Ужас. Ничего не поделаешь.

— А вы бы не могли, — предложил я, — приехать ко мне?

— Нет, нет. Ничего не поделаешь. Забудьте. Это все чересчур сложно. *Scheusslich*⁸. — Повисла пауза.

Я в напряжении закусил губу и стал обдумывать главу

⁷ Наконец хоть один разумный человек! (нем.)

⁸ Отвратительно (нем.).

одиннадцатую. Решимость постепенно таяла... Да будь он проклят!

– Где вы живете? – без энтузиазма спросил я.

Бергманн там к кому-то обернулся и воинственно проревел:

– Где я живу?

Я не расслышал, что ему ответили. Сам Бергманн прорычал:

– Ни слова не понимаю. Вот сами ему и скажите.

– Алло, сэр? – уверенно заговорил со мной кокни⁹. – Мы в отеле «У Кована», что в Бишопсгейте. Сразу через улицу от станции метро. Не промахнетесь.

– Благодарю, – ответил я. – Скоро буду. До св...

Бергманн торопливо заговорил:

– Момент! Момент! – После непродолжительной, но яростной борьбы он, похоже, вновь завладел трубкой: – Скажите, друг мой, когда вы будете?

– О, примерно через час.

– Час? Это слишком долго. На чем вы едете?

– На метро.

– Не лучше ли взять такси?

– Нет, – решительно возразил я, прикинув стоимость поездки от Кенсингтона до станции «Ливерпуль-стрит», – не

⁹ Один из известнейших лондонских диалектов, характерный для представителей средних и низших слоев города. Известен главным образом за счет неверного произношения и рифмованного сленга.

лучше.

– Почему же?

– Так даже медленнее, чем на подземке. Ну знаете, пробки на дорогах...

– Ах, пробки. Просто ужас. – Снова послышался глубокий-глубокий хриплый вздох. Точно кит приготовился нырнуть в пучину океана.

– Не волнуйтесь, – попытался я ободрить Бергманна. Разубедив его насчет такси, я к нему даже потеплел. – Очень скоро буду у вас.

Бергманн слабо застонал. Он явно не поверил мне.

– Прощайте, друг мой.

– *Auf Wiedersehen*... Или нет, так пока нельзя сказать? Мы же с вами еще не виделись¹⁰. – Однако он успел повесить трубку.

– Что, снова киношники? – спросил Ричард, когда я вернулся в столовую.

– Нет. То есть да, в некотором смысле. Потом расскажу. Сейчас надо бежать. О, мамочка, я, наверное, слегка опоздаю к обеду...

* * *

Само собой, отель «У Кована» не располагался через ули-

¹⁰ Буквально формула *auf Wiedersehen* означает «увидимся снова».

цу от станции метро. Вообще, если вас заверяют, мол, что-то стоит сразу через дорогу от станции метро, знайте: это не так. К отелю я прибыл в дурном расположении духа; мне дважды неверно указали дорогу, один раз меня чуть не сбил автобус, а еще я запыхался. Так хотелось встретить Бергманна достойно, но всю дорогу от подземки пришлось бежать.

Заведение было довольно небольшим. У двери стоял носильщик – должно быть, нарочно ждал.

– Вы мистер Ишервуд, верно? То-то доктор будет рад. Он сильно недоволен. Из-за какой-то ошибки приехал на день раньше условленного. В порту его никто не встретил, были какие-то проблемы с паспортом и на таможне, да еще он потерял чемодан. Обычная кутерьма. Порой такое случается.

– Где он сейчас? Наверху?

– Нет, сэр. Только что выбежал за сигаретами. Наши ему не нравятся. Видно, если привык к континентальному табачку, другой и не нужен. У него вкус мягче.

– Хорошо. Я подожду.

– Позвольте совет: лучше идите за доктором. Сами знаете, каково у нас иностранцам: среди бела дня на Трафальгарской площади теряются. Не то чтобы мы на их месте вели себя ловчее... Уже не знаю, что и думать, доктора минут двадцать как нет.

– В какую сторону он пошел?

– Третий дом за углом налево. Не промахнетесь.

– Как я узнаю доктора Бергманна?

— О, сэр, — с задором ответил носильщик, — его ни с кем на свете не спутаешь.

* * *

Девушка в табачной лавке оказалась не менее словоохотливой. Не пришлось даже описывать доктора Бергманна — его визит и без того произвел на нее сильное впечатление.

— Тот еще чудака, — хихикая, сказала она. — Спросил, каково мне целый день тут торчать. А я ему: даже не думала, времени нет... Потом мы разговорились о снах.

Бергманн поведал о некоем заграничном докторе, утверждавшем, что в снах заложен совершенно неожиданный смысл. Преподнес он это как великое научное открытие, чем сильно позабавил девушку, уронив себя в ее глаза: она-то про сны знала давно. От тетки ей достался «Сонник царицы Савской», который составили, еще когда тот доктор на свет не родился.

— Представляете, сосиски снятся к ссоре. Если только вы их не едите — тогда сон к любви или доброму здравью, так же как и чихание или грибы. Мне на днях приснилось, будто я снимаю чулки, а на следующее утро брат перевел мне почтой пять фунтов и шесть шиллингов. Сны, конечно, не всегда вот так сбываются, бывает, что и не сразу...

Тут я наконец сумел перебить ее, спросив, в какую сторону ушел Бергманн.

Девушка ответила, что ему захотелось купить журнал или еще какого чтива, и она отправила его к Митчеллу, это в конце улицы – там сразу увидишь.

– Вы бы отнесли ему сигареты, – добавила она. – Он их на прилавке забыл.

У Митчелла тоже запомнили иностранного господина, но уже не в таком хорошем свете. Тут он успел набедокурить. Бергманн попросил «Нью Уорлд-стейдж» и пришел в сильное негодование, когда парнишка-продавец, решив, что это театральный журнал, принес не то «Стейдж», не то «Эра». Я живо представил, как Бергманн стонет: «Безнадежно. Ничего не поделаешь», – снисходя потом до объяснений, дескать, «Нью Уорлд-стейдж» – это немецкий журнал о политике. Парнишка посоветовал ему заглянуть в привокзальную книжную лавку.

Я совершенно вышел из себя. Дело все больше напоминало погоню, и я, точно гончая, несясь по следу. Однако только в книжной лавке ощутил себя полным глупцом. Продавцы там были слишком заняты и не запомнили никого с иностранным акцентом; за последние полчаса к ним таких заглянуло несколько человек. Я ошалело огляделся по сторонам, обратился к двум похожим с виду незнакомцам, нарвавшись в ответ на подозрительные и оскорбленные взгляды, и поспешил назад в отель.

Носильщик снова меня ждал.

– Не повезло, сэр. – Он обращался ко мне, как сочувству-

ющий болельщик к последнему в забеге с препятствиями.

– Вы о чем? Бергманн так и не вернулся?

– Вернулся и снова ушел, через минуту, как вы убежали. «Где он?» – спрашивает, совсем как вы. Потом ему позвонили – господин со студии. Мы ему все утро дозвониться пытались. И вот, он попросил доктора приехать как можно быстрее. Я говорил, что вы сейчас вернетесь, но доктор и слушать не стал. Он такой, сэр, – само нетерпение. Я его в такси и посадил.

– Он не оставил мне записки?

– Оставил, сэр. Вы должны встретиться с ними в кафе «Рояль». Ровно в час.

– Да будь я проклят.

Я прошел в вестибюль, сел в кресло и утер пот со лба. Что ж, ладно. Кем они себя возомнили? Будет мне наука. Одно я решил точно: от меня они и слова не дождутся. Только если не придут ко мне сами и не просидят у порога весь день.

* * *

Я нашел их в гриль-зале.

Явился на десять минут позже, слегка потешив уязвленное тщеславие. Метрдотель знал мистера Четсворта и указал, где его найти. Я же присмотрелся к нему с расстояния, не спеша подходить к столику.

Спиной ко мне сидел обладатель взъерошенной седой ше-

велюры, а напротив него – мордатый блондин с жиденькими прилизанными волосами, в очках с толстой роговой оправой. Седой напряженно подался вперед, тогда как мордатый, душа нараспашку, откинулся на спинку стула.

– Между нами, – разглагольствовал он, – у них один недостаток: нет *savoir vivre*¹¹.

Взгляд его бледных, увеличенных очками глаз блуждал по залу. Без удивления он задержался на мне:

– А вот и мистер Ишервуд. Рад видеть. Вы двое, полагаю, еще не знакомы?

Сказав это, мордатый остался сидеть, зато Бергманн с поразительной живостью вскочил из-за столика. Ни дать ни взять клоун на представлении.

«Грустный клоун», – отметил я про себя и, пожимая Бергманну руку, не сдержал улыбки: мне показалось, что представлять нас друг другу излишне. Бывает, встретишь человека, и оказывается, что давно его знаешь. Разумеется, мы с Бергманном знали друг друга. Сам он, его голос, черты были несущественны, а вот его лицо я знал. Это было лицо политической ситуации, целой эпохи. Лицо Центральной Европы.

Уверен, Бергманн понимал, что происходит у меня в голове.

– Как поживаете, сэр? – Он с легкой иронией выделил последнее слово. Мы некоторое время постояли, приглядыва-

¹¹ Манеры (*фр.*).

ясь друг к другу.

– Присаживайтесь, – великодушно пригласил мистер Четсворт. Затем он поднял голос: – *Garçon, la carte pour monsieur!*¹² – Посетители на нас обернулись. – Советую взять *Tournedos Chasseur*¹³, – добавил он.

Я же выбрал *Sole Bonne Femme*¹⁴, которое мне, в общем-то, не нравится, просто оно первым попало на глаза, да и я был решительно настроен доказать Четсворту, что решаю за себя сам. Он успел заказать шампанское.

– До вечера ничего другого не пейте. – Четсворт поведал, что в Сохо есть погребок, где он хранит личные запасы кларета. – Прикупил неделю назад на аукционе шесть дюжин. Поспорил с дворецким, что найду нечто получше того, что было у нас. Он у меня чертовски хорош, негодник такой, но тут был вынужден признать мою правоту.

Бергманн чуть слышно хмыкнул. Под его пристальнейшим взглядом любой смутился бы и смолк, но Четсворт продолжал неспешно есть, сопровождая каждый кусочек новым откровением. Бергманн же, проглотив мясо с каким-то остервенелым нетерпением, закурил. Зажатая в его крепких волосатых пальцах без колец сигарета обвиняющим указательным перстом смотрела точно в грудь Четсворту.

Невероятно крупная голова Бергманна была словно высе-

¹² Официант, меню господину! (*фр.*)

¹³ Турнедо по-охотничьи (*фр.*).

¹⁴ Филе морского языка по-домашнему (*фр.*).

чена из гранита. В ней я видел бюст римского императора с темными глазами старого лихача. Тесный тускло-коричневый костюм Бергманну не шел, воротник рубашки душил, неровно повязанный галстук сбился набок. Краем глаза я разглядывал большой и крепкий подбородок, угрюмо сжатые в линию губы, резкие морщины, идущие вниз от царственного носа, буйные черные волосы в ноздрях. У Бергманна было лицо императора, а вот глаза... глаза принадлежали его рабу, рабу, который с насмешкой повинует, следит, шутит и осуждает непонимающего господина; раба, на которого господин всецело полагается в развлечениях, руководстве и проявлении власти; раба, что пишет басни о зверях и людях.

От вина Четсворт плавно, как бы невзначай, перешел к Ривьере. Спросил у Бергманна, не бывал ли тот в Монте-Карло. Бергманн отрицательно хмыкнул.

– Охотно вам признаюсь, – сказал Четсворт, – что Монте – родина души моей. Канны мне всегда были безразличны, а у Монте есть *je ne sais quoi*¹⁵, нечто уникальное. У меня пунктик: каждую зиму приезжать туда дней на десять. Дела, не дела – срываюсь и еду. Если бы не отдых в Монте, проклятые туман и морось Лондона меня доконали бы. Месяц гриппа, если не хуже. Да я, черт возьми, студии услугу оказываю – так им и говорю. *Garçon!*

Четсворт сделал паузу, чтобы заказать, не спросив нас,

¹⁵ Здесь: что-то этакое (фр.).

креп «Сюзетт», и признался, что он на самом деле вовсе не игрок.

– Мне хватает азарта и риска в киноиндустрии, а рулетка – забава для дурачков. Пусть сосунки да старухи в нее играют. Хотя шмен-де-фер¹⁶ мне нравится, в том году пару тысяч в нее просадил. А вот моя супруга предпочитает бридж. Чертовски, говорю я ей, ограниченно.

Мне стало любопытно, хватает ли Бергманну познаний в английском, чтобы поспевать за мыслью Четсворта. Выражение его лица становилось все более и более загадочным. Похоже, и Четсворт это заметил, он начал сомневаться в своей аудитории. Попробовал зайти с другой стороны, похвалив метрдотелю креп «Сюзетт».

– Мои комплименты Альфонсу, и передайте ему, что он превзошел себя.

Метрдотель низко поклонился. Видимо, знал, как вести себя с Четсвортом.

– Ради вас, мсье, мы всегда рады постараться. Вы большой знаток и ценитель.

Четсворт прямо просиял.

– Жена все пеняет мне, называет красным. А я вот не могу удержаться, с души воротит от того, как обращаются с обслугой. Никакого внимания, особенно к шоферам, будто они не люди вовсе. У наших снобов людидохнут на работе: вста-

¹⁶ Или шемми, вариант баккара – карточная игра, где исход порой решают не навыки игрока, а удача.

ют ни свет ни заря, собственной душой не владеют. Я себе такого позволить не могу, держу трех шоферов: двое возят меня днем, третий ночью. Жена всю плешь проела, говорит, уволь кого-нибудь. Я ей: «Либо у нас работают все трое, либо садись за руль сама». Уж она-то не сядет. Женщины чертовски дурные водители, но моя хотя бы это признает.

Подали кофе, и Четсворт достал внушительный чехол удивительной работы: отделанный красным сафьяном, размером с карманную Библию. Внутри лежали сигары. Каждая, сообщил Четсворт, стоит пять фунтов и шесть пенсов. Я отказался, зато Бергманн угостился, прикурив с невероятно мрачной и хмурой физиономией.

– Стоит к ним пристраститься, и больше ничего другого курить не станете, – заверил нас Четсворт, а потом снисходительно добавил: – Завтра пришлю вам коробочку.

До этого образ Четсворта казался мне неполным, зато сейчас, попыхивая сигарой, он словно вырос. В бледных глазах зажегся пророческий огонек.

– Уже много лет у меня одна великая цель. Вы будете смеяться, как и все. Говорят, я чокнутый... Мне все равно. – Он сделал паузу, а после торжественно произнес: – «Тоска», с Гарбо¹⁷.

Бергманн бросил на меня быстрый загадочный взгляд, за-

¹⁷ Грета Гарбо – псевдоним американской актрисы шведского происхождения Греты Ловисы Густафсон (1905–1990), одной из немногих, кто успешно перешел из немого в звуковое кино.

тем выдохнул с такой силой, что голову Четсворта окутало облаком смешанного дыма. Видимо, такой реакции Четсворт и добивался, потому как вид у него был очень довольный.

– Без музыки, конечно же. Я бы сделал все совершенно просто. – Он снова замолчал, видимо, ожидая наших возражений, но мы молчали. – Это одна из величайших историй, просто люди ее не понимают. Боже, она величественна.

Еще одна многозначительная пауза.

– Знаете, кого я хочу в сценаристы?

Судя по тону, Четсворт готовился нас оглушить.

Тишина.

– Сомерсета Моэма.

Полнейшая тишина, нарушаемая пыхтением Бергманна.

Четсворт откинулся на спинку и, будто вынося ультиматум, произнес:

– Не заполучу Моэма, брошу затею к черту.

Я хотел было спросить: «Уже обращались к нему?» – но вопрос показался мне неуместным. Под серьезным взглядом Четсворта я выдавил слабую нервную улыбочку. Она ему, впрочем, понравилась: видимо, он истолковал ее как-то по-своему и неожиданно ответил мне своей довольной улыбкой.

– Уверен, я знаю мысли Ишервуда, – заявил Четсворт. – И он тоже прав, черт побери. Признаю. Я несносный интеллектуальный сноб.

Бергманн резко поднял на меня взгляд. Ну вот, подумал я, наконец-то он заговорит. Черные глаза сверкнули, губы

изогнулись, формируя слово, а руки уже обрисовали жест, как вдруг Четсворт произнес:

– Привет, Сэнди.

Я обернулся и не поверил глазам: возле столика стоял Эшмид. Эшмид, который за десять лет остался практически прежним: все тот же красавчик шатен, не изменивший вкусу к повседневной моде, в изящной спортивной куртке, шелковом пуловере и фланелевых брюках.

– Сэнди – наш редактор, – принялся представлять его Бергманну Четсворт. – Упорный, как мул: и Шекспира перепишет, если ему не понравится.

Эшмид по-кошачьи улыбнулся.

– Привет, Ишервуд, – тихо и весело произнес он.

Мы встретились взглядами.

Так и хотелось спросить: «Ты-то здесь за каким чертом?!» Я ведь и правда сильно поразился. Эшмид поэт. Эшмид звезда Общества Марлоу¹⁸. Он явно сообразил, о чем я думаю, однако своими ясными золотистыми глазами смотрел на меня с усмешкой как ни в чем не бывало.

– Вы двое знакомы? – спросил Четсворт.

– В Кембридже учились, – коротко ответил я, продолжая с вызовом глядеть на Эшмида.

– В Кембридже, говорите? – впечатленный, повторил Чет-

¹⁸ Основанный в 1907 году театральный клуб для студентов Кембриджа. Назван в честь Кристофера Марлоу, современника и менее известного «коллеги» Шекспира, отсюда и репертуар клуба – относительно неизвестные исторические спектакли.

сворт. Мои акции явно взлетели на несколько пунктов.

Взглядом я как бы призывал Эшмида: ну, опровергни, – однако он лишь улыбался.

– Время возвращаться на студию, – вздохнул Четсворт, поднимаясь из-за стола и разминая ноги. – Доктор Бергманн поедет с нами, Сэнди. Поставишь ему тот фильм с Розмари Ли, хорошо? Как он, чтоб его?..

– «Луна над Монако», – ответил Эшмид таким тоном, каким иной человек запросто произносит «Гамлет».

Бергманн с глухим трагичным стоном встал.

– Работа так себе, – весело сказал ему Четсворт, – зато увидите актрису в деле.

Мы направились к двери. Довольный и дородный Четсворт, высокий и стройный, словно кипарис, Эшмид, а между ними – массивный и приземистый Бергманн. Я же плелся в хвосте, ощущая себя лишним.

Четсворт властным жестом отослал гардеробщика прочь и сам помог Бергманну надеть пальто. Со стороны казалось, будто он одевает римскую статую. Шляпа Бергманна напоминала дурную шутку: маленькая, она нелепо сидела на макушке в копне седых кудрей, а лицо Бергманна угрюмо выпирало из-под нее, словно лик низложенного и осмеянного толпой императора. Эшмид, конечно же, не носил ни шляпы, ни пальто. При себе он имел только идеально сложенный зонт. На улице ждал «роллс-ройс» Четсворта с шофером – машина в светло-серых тонах, в масть свободной, лад-

но скроенной одежде хозяина.

– Сегодня лучше хорошенько выспаться, Ишервуд, – милостиво посоветовал мне Четсворт. – Мы загоняем вас в хвост и в гриву.

Эшмид молча, с улыбкой забрался в машину следом за ним.

Бергманн задержался. Пожимая мне руку, он невероятно тепло и очаровательно улыбнулся.

– До свидания, мистер Ишервуд, – произнес он по-немецки, стоя ко мне чуть не вплотную. – Я позвоню утром. – Его взгляд был глубок и ласков. – Уверен, нам понравится работать вместе. Вы и сами уже знаете, я перед вами совершенно открыт. Мы с вами как двое женатых мужчин, что встретились в борделе.

* * *

Дома Ричард с мамой ждали меня в гостиной.

– Ну?

– Успехи есть?

– Как все прошло?

– Ты его видел?

Я плюхнулся в кресло.

– Да, – сказал я, – мы встретились.

– И... все хорошо?

– В каком смысле – все хорошо?

– Ты берешься за работу?

– Не уверен... хотя... да. Да, видимо, берусь.

* * *

Человек Четсворта определил Бергманна на служебную квартиру в районе Найтсбридж, недалеко от Гайд-парка. Там я доктора следующим утром и застал: я еще не поднялся по лестнице, а он уже вышел встречать меня на площадку.

– Поднимайтесь! – приветственно зазывал Бергманн. – Выше! Выше! Смелее! Где же вы? Не сдавайтесь! Ага! Ну наконец! *Servus*¹⁹, дружище!

– И? – спросил я, пожимая ему руку. – Как вам тут?

– Ужасно! – Бергманн комично подмигнул мне из-под кустистой черной брови. – Тут суший ад! Вы вошли в преисподнюю.

Этим утром он напоминал не императора, а старого шута: взъерошенного, в цветастом шелковом халате и трагикомичного, как все клоуны, отдыхающие за кулисами после представления.

Он положил руку мне на плечо.

– Во-первых, объясните, пожалуйста: во всем ли городе столь же ужасно, как здесь?

– Ужасно? Отчего же? Мы в лучшей части Лондона! Это

¹⁹ Приветствую (нем.).

вы трущоб и пригорода не видели.

Бергманн широко улыбнулся.

– Просто невероятное облегчение.

Он провел меня вглубь квартиры. В небольшой гостиной было жарко, как в тропиках, и накурено, хоть топор вешай. Воняло свежей краской. Всюду были разбросаны предметы одежды, бумаги и книги – будто шлак от извержения вулкана.

– Мадемуазель! – позвал Бергманн, и из дальней комнаты вышла девушка. Прямые светлые волосы убраны за уши; лицо овальное, гладкое и, наверное, даже симпатичное, если бы не острый подбородок. На девушке были очки без оправы, губная помада неверно подобранного оттенка и «форма» стенографистки: опрятные жакет и юбка. – Дороти, познакомьтесь с мистером Ишервудом. Дороти – мой секретарь, прекраснейший из даров великодушного мистера Четсворта. Понимаете, Дороти, мистер Ишервуд – добрый Вергилий, мой проводник в этой англосаксонской комедии.

Дороти ответила улыбкой типичного секретаря – слегка смущенного и в то же время готового к любой прихоти безумного работодателя.

– И да, убавьте, пожалуйста, огонь, – попросил Бергманн. – Дышать нечем.

Дороти опустилась на колени в углу и отключила ревущий газовый камин.

– Я вам еще нужна, – деловым тоном спросила она по-

том, — или мне пойти заняться письмами?

— Милая, вы нам всегда нужны. Без вас мы и секунды не протянем, вы наша Беатриче. Однако прежде нам с мистером Вергилием надо познакомиться. Или, скорее, это ему надо со мной познакомиться. Ибо, видите ли, — продолжил Бергманн, когда Дороти вышла, — я о вас уже все знаю.

— Вот как?

— Определенно. Все самое важное. Погодите, я вам кое-что покажу.

Бергманн с улыбкой вскинул указательный палец, прося о терпении, и зарылся в одежду и бумаги. С нарастающим любопытством я принялся следить, как он постепенно входит в раж: наткнется на что-нибудь ненужное, рассмотрит, словно смердящий трупик крысы, и отшвырнет, похмыкивая или восклицая: «Омерзительно!», «*Scheusslich!*», «Невыразимо глупо!». Таким вот образом он откопал пухлую черную записную книжку, зеркальце для бритвы, флакон тоника для волос и брюшной ремень. Наконец под горой рубашек отыскался экземпляр «Моей борьбы»²⁰; Бергманн поцеловал его и тут же бросил в корзину для бумаг.

— Обожаю его! — сказал он мне, изобразив кривую комичную улыбку.

Затем Бергманн переместился в спальню, где, пытая и фыркая, продолжил рыться. Я же подошел к каминной пол-

²⁰ Или «Майн кампф», нем. «*Mein Kampf*», изданная в двух томах (в 1925 и 1926 гг.) автобиография Адольфа Гитлера.

ке, чтобы разглядеть фото крупной смешливой блондинки и худенькой, темненькой девочки затравленного вида. Бергманн тем временем дошел до ванной, откуда выпорхнули влажные полотенца. Наконец раздалось победное: «Ага!» – и Бергманн широким шагом вернулся в гостиную, размахивая над головой книгой. Это был мой роман «Мемориал. Семейный портрет».

– Ага, видите? Я прочитал его в полночь. Потом еще раз утром, в ванне.

Я был до нелепого польщен.

– Ну, – как бы невзначай произнес я, – и как вам?

– Грандиозно.

– Я хотел бы написать лучше. Боюсь, что...

– Вы не правы, – очень сурово перебил Бергманн и принялся листать книгу. – Сцена, где герой пытается покончить с собой... – Он с серьезным видом нахмурился, словно призывая меня оспорить это мнение. – Я нахожу ее совершенно гениальной.

Я покраснел и рассмеялся, а Бергманн посмотрел на меня с улыбкой, точно гордый отец – на сына, которого хвалит директор школы. Затем он похлопал меня по плечу.

– Если не верите, то я вам сейчас кое-что покажу. Я написал это утром под впечатлением от вашей книги. – Он принялся рыться в карманах, которых оказалось всего семь, и потому поиски длились недолго. Наконец Бергманн извлек скомканный лист бумаги. – Мой первый стих на английском.

Для английского поэта.

Я взял у него лист и прочитал:

Я малым был, и мать твердила мне,
То больше счастья нет, чем пробуждаться
 светлым утром
И песню жаворонка тут же услышать.
Теперь я вырос и просыпаюсь
 в темноте.

Поет мне птица неизвестная на чуждом
языке,

Но все же, я считаю, счастье.
Кто тот певец? Не убоился града серого!
Утопят ли его вот-вот, беднягу Шелли?
Заставит ли его палач хромать, как Байрона?
Надеюсь, нет, ведь счастлив я от пения его.

– Что ж, – промолвил я, – это прекрасно!

– Нравится? – Бергманн возбужденно потер руки. – Только вы уж исправьте ошибки, прошу вас.

– Зачем? Все и так замечательно.

– Мне кажется, я почти освоил вашу речь, – со скромным удовлетворением сказал Бергманн, – и напишу еще много стихов на английском.

– Можно мне этот оставить себе?

– Вы правда хотите? Давайте я вам подпишу.

Он достал авторучку и начертил: «Кристоферу от Фридриха, сокамерника».

Я бережно отложил лист на каминную полку. Во всей гостиной я не видел места безопасней.

– Это ваша супруга? – спросил я, глядя на фото.

– Да. И Инга, моя дочь. Она вам нравится?

– У нее красивые глаза.

– Играет на фортепиано. Очень талантливая.

– Они остались в Вене?

– К несчастью, да. Очень за них переживаю. В Австрии более не безопасно, чума распространяется. Я звал семью с собой, но жене надо присматривать за матерью, так что все не так-то просто. – Бергманн тяжело вздохнул, затем пристально взглянул на меня: – Вы не женаты.

Прозвучало как обвинение.

– Откуда вы узнали?

– Я такое сразу вижу... Живете с родителями?

– С мамой и братом. Отец умер.

Бергманн хмыкнул и кивнул, словно врач, нашедший подтверждение неутешительному диагнозу.

– Вы типичный маменькин сынок. Такова английская трагедия.

Я рассмеялся.

– Знаете, англичане в большинстве своем женятся.

– На матерях, и это катастрофа. Европа рухнет.

– Должен признать, что не совсем улавливаю...

– Европа непременно рухнет из-за этого, и я все опишу в романе. Первые несколько глав уже готовы. Книга называ-

ется «Итонский Эдип»²¹. – Бергманн неожиданно расплылся в чарующей улыбке. – Однако не переживайте, мы все изменим.

– Ну хорошо, – усмехнулся я. – Переживать не стану.

Бергманн закурил и, выдохнув, почти полностью скрылся в облаке дыма.

– Итак, настал ужасный, неизбежный миг, когда нам надо поговорить о преступлении, на которое мы идем: это насилие над обществом, безмерная гнусность, скандал и святотатство... Вы уже прочли оригинальный сценарий?

– Вчера вечером мне прислали его с курьером.

– И?.. – Бергманн внимательно посмотрел на меня, ожидая ответа.

– Он даже хуже, чем я ожидал.

– Чудесно! Отлично! Я, видите ли, тот еще старый грешник, меня уже ничем не проймешь, а вот вы удивляетесь, поражаетесь. Ведь вы невинны, и без этой невинности, невинности Алеши Карамазова, мне ничего не сделать. Я растлю вас, научу всему, с самых основ... Знаете, что такое кино? – Он сложил ладони чашечкой, словно принимая в них утонченный цветок. – Это адская машина. Стоит запустить ее и привести в действие, как она закручивается с невероятной скоростью и не останавливается, не знает пощады. Ее действий не отменить. Она не ждет, пока вы все поймете, не

²¹ От Итона, или Итонского колледжа, элитной частной школы для мальчиков, и имени мифического царя Фив Эдипа, женившегося на родной матери.

объясняется. Только ширится и пухнет, пока не грянет неизбежный взрыв. И мы, точно анархисты, этот взрыв готовим с предельным остроумием и коварством... Будучи в Германии, вы не смотрели «*Frau Nussbaum's letzter Tag*»?²²

– Смотрел, конечно. Раза три или четыре.

Бергманн просиял.

– Это я его поставил.

– Вы? Серьезно?

– Не знали?

– Боюсь, я не читал титры... Так это же одна из лучших немецких картин!

Бергманн восторженно кивнул, принимая комплимент как должное.

– Скажите это Зонтику.

– Зонтику?

– Красавчику Браммеллу²³, который пришел к нам вчера, когда мы обедали.

– А, Эшмид...

– Он ваш большой друг? – встревоженно спросил Бергманн.

– Нет, – я усмехнулся. – Не совсем.

– Видите ли, его зонтик кажется мне чрезвычайно символичным. Британское благоприличие диктует: «Мои тради-

²² «Последний день фрау Нуссбаум» (нем.).

²³ Джордж Брайан Браммелл (1778–1840), он же Красавчик Браммелл – лондонский денди и законодатель мод.

ции меня защитят. В пределах моего личного парка не случится решительно ничего неприятного, ничего непорядочного». И этот респектабельный зонтик – волшебная палочка англичанина, которой он размахивает в надежде, что Гитлера не станет. Когда же Гитлер нагло откажется исчезнуть, англичанин раскроет зонтик и скажет: «Какое мне, собственно, дело до этого карлика?» И тут сверху прольется дождь из бомб и крови. Зонтик от бомб не защитит.

– Не стоит недооценивать зонтик, – сказал я. – Им успешно пользовались гувернантки против быков. У него очень острый кончик.

– Вы ошибаетесь. Зонт бесполезен... С Гёте знакомы?

– Немного.

– Погодите. Я вам кое-что прочту. Подождите, подождите.

* * *

– Вся прелесть фильма в том, – объяснял я следующим утром маме и Ричарду, – что действие в нем развивается с определенной постоянной скоростью. То, как вы его видите, обусловлено математически. Вот, скажем, есть картина, на нее можно взглянуть лишь мельком или полчаса пялиться в левый верхний угол полотна. То же с книгой. Автор не в силах помешать вам прочитать ее по диагонали, застрять на последней главе или прочесть задом наперед. Смысл в том, что тут вы сами выбираете подход. Другое дело, когда идете

в кинотеатр. Вы смотрите фильм именно так, как задумал режиссер. Он вкладывает в ленту какие-то свои мысли, и на то, чтобы уловить каждую из них, вам отводится энное количество секунд или минут. Упустите что-то, и он ничего уже не повторит, не остановится, чтобы объяснить. Просто не сможет. Он запустил процесс, который должен довести до конца... Фильм, видите ли, и впрямь как некая адская машина...

Я осекся, поймав себя на том, что вскинул руки в одном из характерных бергманновских жестов.

* * *

Я вполне доволен собой как писателем, однако едва мы начали сотрудничать с Бергманном, как в первые же несколько дней моя самооценка заметно снизилась. Я льстил себе, считая, будто у меня есть воображение, что я могу придумать диалог или развить характер персонажа. Я верил, будто сумею описать почти что угодно, совсем как художник, способный изобразить старика, стол или дерево.

О, как я ошибался!

Время действия – начало двадцатого века, в преддверии Первой мировой. Теплый весенний вечер в венском Пратере. Танцевальные залы озарены огнями. В кофейняхлюдно. Оркестры наяривают. Над верхушками деревьев рвутся фейерверки. Раскачиваются качели. Вращаются карусели. От-

крыты цирки уродцев, цыганки гадают, мальчишки играют на концертинах. Толпы гуляк едят, пьют пиво, прогуливаются тропинками вдоль берега реки. Пьяные горланят песни. Влюбленные под ручку неспешно идут и шепчутся в тени вязов и тополей.

Девушка по имени Тони продает фиалки. Все ее знают, да и у нее для каждого найдется доброе слово. Предлагая цветы, она смеется и шутит. Один офицер лезет целоваться, но она весело уворачивается. Старушка потеряла собачку – Тони сочувствует ей. Какой-то возмущенный и тираничный господин ищет дочь – Тони знает, где та и с кем, но деспоту-отцу не скажет.

Потом, беспечно идя аллеями с корзинкой в руке, она встречает симпатичного студента. Он искренне представляется Рудольфом, однако он не тот, кем кажется. На самом деле это кронпринц Бородании.

Вот это все предстояло описать.

– Не думайте пока о кадрах, – говорил Бергманн. – Только о диалогах. Создайте атмосферу. Надо же камере что-то снимать.

Не получилось. Я чуть не плакал от бессилия. Казалось бы, чего проще? Взять, например, отца Тони. Полный и жизнерадостный мужчина, торгует венскими колбасками. Он говорит с клиентами. Он говорит с Тони. Тони говорит с клиентами. Те отвечают. И все это здорово веселит, забавляет,

радует. Вот только что они там, черт побери, говорят?

Я не знал, не знал, что писать, — и обратился к гордости. В конце-то концов, работаю на киношников, мне подвернулась халтура, нечто изначально поддельное, дешевое, вульгарное. Нечто ниже моего достоинства. Зря я вообще в это ввязался, поддавшись опасному обаянию Бергманна, а еще купившись на гонорар в размере двадцати фунтов в неделю, которые «Империял булльдог» отстегивала мне с готовностью и легкостью. Я предавал искусство. Неудивительно, что работа не шла.

Всё отговорки. Я и сам в них не верил. Речь людей не вульгарна. Старик, продающий колбаски, не вульгарен, хотя изначально «вульгарный» и значит «простонародный». Вот у Шекспира он заговорил бы. И у Толстого. А у меня молчал, потому что, несмотря на весь мой салонный социализм, я был снобом. Я не знал, кто и как говорит. Мне бы только юношей из закрытых школ да невротическую богему озвучивать.

В отчаянии я обратился к знакомым фильмам. Пытался быть умным, острить. Придумывал сложные, многословные шутки. Я написал диалог длиной в страницу, который ни к чему не привел и лишь выдавал интрижку с чужой женой у какого-то второстепенного персонажа. Что до Рудольфа, принца инкогнито, то он разговаривал как худший, шаблоннейший герой музыкальных комедий. Мне было страшно показывать свои потуги Бергманну.

Он прочел мою писанину, сильно хмурясь и под конец издав короткий утробный хмык; впрочем, он не испугался и не удивился.

– Позвольте я вам кое-что скажу, мэтр, – произнес он, походя бросая рукопись в мусорную корзину. – Фильм – это симфония. Каждое движение прописано в определенном ключе. Ноты нужно брать верно и своевременно. Оркестр должен быть сыгранным, чтобы удерживать внимание зрителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.